

ОСНОВЫ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ СУБЪЕКТА КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА*

Гайнутдинова Екатерина Валерьевна, кандидат философских наук, доцент

Астраханский государственный технический университет
414025, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 16
E-mail: gainutdinova.ekaterina@mail.ru

Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать основы положительной мотивации субъекта, поскольку, говоря о модернизации, необходимо при этом актуализировать понятие «качество», а также определить и исследовать позитивные условия для достижения этого качества. Положительная мотивация, по сути, представляет собой мотивационный баланс, который состоит в том, чтобы урегулировать и сделать возможным сосуществование разных взглядов не по принципу взаимоисключения позиций, а гармоничного диалога на общее благо: сочетание естественно-биологического и ценностного.

Ключевые слова: мотивация, позитивная мотивация, внешняя мотивация, внутренняя мотивация, мотивационный баланс, потребность, желание, сознание, первичная потребность, вторичная потребность

BASES OF POSITIVE SUBJECT MOTIVATION AS ONE OF CONDITIONS OF SOCIETY MODERNIZATION

Gainutdinova Ekaterina V., Ph.D. (Philosophy), Associate Professor

Astrakhan State Technical University
16 Tatishchev st., Astrakhan, 414025, Russia
E-mail: gainutdinova.ekaterina@mail.ru

The research objective consists in analysing the basis of positive motivation of the subject as, speaking about modernization, it is necessary to determine the concept "quality", and also to define and investigate positive conditions for this quality achievement. The positive motivation, in fact, represents motivational balance which consists in settling and doing possible the coexistence of different views not by the principle of mutual exclusion of positions, and harmonious dialogue for the public wealth: combination of natural- biological and valuable.

Keywords: motivation, positive motivation, external motivation, internal motivation, motivational balance, requirement, desire, consciousness, primary requirement, secondary requirement

Изучение мотивационных механизмов, детерминирующих нашу деятельность, вновь обретает свою актуальность в русле тех проблем, которые существуют в современном обществе, особенно тогда, когда в настоящее время происходит активное развитие всех сфер жизни в соответствии с инновационными изменениями, диктуемых временем. Иначе говоря, речь идет о процессе модернизации России, которая в результате позволит добиться эффективности целенаправленного становления нашей страны. Например, А.Н. Аринин и А.А. Галкин, говоря о модернизации России, отмечают, что «модернизация страны – это процесс эффективного самообновления политической, экономической и социальной систем в соответствии с потребностями времени» [1, с. 11]. При этом исследователи указывают на отличительную черту процесса модернизации, состоящую в его целенаправленном и управляемом характере, в связи с чем необходимо говорить об актуализации качества и о формировании позитивный условий для достижения этого качества. В этой связи одной из проблем является возрастающая роль индивидуального начала в человеке. С одной стороны, это характеризует человека как самодостаточную личность, но, с другой стороны, каждая личность существует в коллективе и является его составной частью. В данной ситуации наиболее целесообразным можно считать поиск объединяющей основы, в ином случае мы столкнемся, как и раньше, с тотально идеалистической практикой – гонкой

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 8255.

за бесконечной чередой постоянно возникающих желаний. Нам полагается, что уместнее дифференцировать рассмотрение потребности с точки зрения обыденного понимания и научного. Российские психологи в основном занимаются изучением потребностей с точки зрения обыденного понимания – есть желание, значит – есть потребность, признавая личностный аспект первостепенным. Европейская тенденция в этом вопросе тяготеет к естественно-биологическому аспекту, что вполне оправданно хотя бы по причине того, что человек – это биологическое существо. В этой связи представляется уместным в качестве основания выводить не только набор потребностей, но и смыслообразующие механизмы, источником которых является сознание человека, – это воля, ценности и, как следствие, положительное целеполагание. Положительная мотивация, по сути, представляет собой мотивационный баланс, который состоит в том, чтобы урегулировать и делать возможным сосуществование разных взглядов не по принципу взаимоисключения позиций, а гармоничного диалога на общее благо: сочетание естественно-биологического и ценностного.

Позитивность мотивации должна быть обусловлена как внешне, так и внутренне. Сейчас в психологии слово «баланс» заменили позитивной психологией – успешность, позитивность мышления. Если говорить о подавлении социального и культивировать биологическую составляющую, то это приведет к деградации субъекта. Вероятно, в настоящее время популярность психоанализа вызвана тем, что очень удобно объяснять особенность своего поведения биологическими потребностями по принципу – мне же надо, так как обусловлено природой. Кроме того, огромное количество литературы посвящено гендерному аспекту поведения – это следствие того, что подобные подходы носят удобно-оправдательный характер: «ну, я же мужчина», «ну, я же женщина». На самом деле, если исходить из социальных приоритетов, то мы, в первую очередь, личности, обладающие сознанием и способные к самосовершенствованию и только потом должно быть дифференцирование по половому признаку. Если снять волевое ограничение с биологической и социальной составляющей, то это путь к хаосу, поскольку снимается:

1) внутренний аспект – актуализация целеполагания (осмысленное построение цепочки действий будут ограничиваться стадией развития и культивирования желаний, тенденцию к чему сейчас можно наблюдать, как развитие индустрии рекламы, способствующей росту потребления и культивирование человека-потребителя) => децентрализация субъекта, о чем говорили и говорят постмодернисты => закон возрастания по А. Маслоу потребностей (с точки зрения обыденного понимания), с точки зрения субстанционально-деятельностного подхода – развитие желаний;

2) внешний аспект – актуализация нормативно-правовой системы, этических ограничений => деструктуризация действительности.

В этой связи наиболее приемлемо ввести понятие «баланс». Вопрос о сбалансированности пытались решить еще в античности – Эпикур, Демокрит говорили о чувстве умеренности. Фактически в Античный период были заложены основы положительной мотивации. Например, Эпикур связывал жизнедеятельность человека с удовлетворением потребностей, различая при этом естественные и необходимые – те, которые избавляют человека от страданий; естественные, но не необходимые – те, которые разнообразят наслаждения; не естественные и не необходимые – те, которые порождаются праздными мнениями [3, с. 254]. Суть концепции Эпикура состоит в обязательном удовлетворении необходимых потребностей. Иначе говоря, человек может довольствоваться малым и получать удовольствие от обычных вещей: «Путь к счастью возможен тогда, когда человек, руководствуясь разумом и волей, удовлетворяет эти естественные и необходимые потребности» [3, с. 254]. Как следствие, в трудах сторонников гедонизма появляется такое понятие, как «атараксия» – безмятежное состояние духа.

Проблемой позитивной мотивации в период античности, можно сказать, интересовались также философы-идеалисты, рассматривающие потребность как неотъемлемую составляющую человеческой природы. Основное внимание привлекала проблема разграничения животных и человеческих потребностей с целью показать особенности, присущие только человеку и его действиям. При этом акцент делался на

специфической направленности человеческих действий, стремлению к реализации целей, присущих только разумным существам. В этой связи особого внимания заслуживает философия Сократа, который обозначил предпосылки внешней и внутренней обусловленности мотивации, указав на то, что «большинству людей выгодно и не знать, и не думать, будто они знают: ведь они будут изо всех сил стараться сделать то, что они знают или думают, будто знают, и эти старания большей частью принесут им скорее вред, чем пользу» [13, с. 90]. В данном контексте обнаруживается дилемма того, что человек зачастую руководствуется зачастую тем, что ему кажется то, что он делает правильно, при этом основанием для осуществления тех или иных действий выступают внутреннее убеждение самого человека, который находит убедительные аргументы в качестве оправдания или выполнения своих действий согласно существующему намерению. Каждому человеку, по сути, свойственно субъективное стремление к тому, чтобы найти объяснение своих желаний, что не всегда бывает верным, поскольку в своих рассуждениях не исключена ошибка понимания того, что действительно нужно, но это, в свою очередь, выступает очень мощным стимулом к построению мотивационной активности по достижению задуманного. Кроме того, в качестве источников действий Сократ определяет блага, которые подразделяет на несколько общих категорий: 1) «прекрасные телесные совершенства» – здоровье, красота, богатство и т.д.; 2) родовитость, власть и почести у себя на родине; 3) быть рассудительным, справедливым и мужественным, мудрость [13, с. 122]. Наличие указанных благ для Сократа является необходимым условием для того, чтобы стать счастливым. Однако особое место в цепочке благ мыслитель отводит именно мудрости, поскольку, согласно его мнению, для человека в первую очередь важно знать и понимать то, что он делает и для чего. Здесь обнаруживает себя идеалистическая направленность рассуждений Сократа, который в приоритете, по сути, ставит сознание субъекта: «Поскольку мы все стремимся к счастью и, как оказалось, мы счастливы тогда, когда пользуемся вещами, причем пользуемся правильно, а правильность эту и благополучие дает нам знание, должно, по-видимому, всякому человеку изо всех сил стремиться стать как можно более мудрым» [13, с. 125].

Современный психолог Ж. Нюттен в дальнейшем активно проводил линию исследования в том, что на поведение человека влияют гомеостатические процессы. В качестве примера говорил о том, что «в отсутствие организмических потребностей и достаточной внешней стимуляции индивид может пребывать активно включенным в многообразное альтернативное поведение» [10, с. 35]. В качестве примера приводит поведение маленького мальчика, который, увлекшись игрой, игнорирует позывы голода [10, с. 35]. Здесь возникает вопрос не о том, всегда ли потребности при формировании мотивации играют ключевую детерминирующую роль, а о том, что виды потребностей в основе мотивации не всегда носят организмический характер. Здесь наиболее четко прослеживается актуализация мотивационной стадии и того, как внешняя мотивация, основанная на иных, чем биологических потребностях, влияет на актуализацию тех или иных предпочтений, т.е. внешнее не определяет, а контролирует внутреннее.

Если мы имеем дело с пресыщением, то необходимо возвращаться к ощущениям от истоков начала этого процесса (например, человек стремится покупать и гонится за новинками мирового автопрома, то если его посадить в автомобиль отечественного производства с механической коробкой передач, после поездки на ней некоторое время любая машина повышенной комфортности вождения будет казаться лучшей на свете), либо замещение потребности одну на другую, что мы сами зачастую делаем, не задумываясь.

Фактически истоки позитивной мотивации заложены в соотношении внешней и внутренней мотивации, что определяется необходимостью знать истинные причины своих желаний и стремлений, а также уметь принимать самостоятельно решения в плане выбора предпочтений в условиях современной действительности. А.В. Петровский справедливо отмечает, что необходимость различения внешней и внутренней мотивации заключается в их зачастую несовпадении и нужно четко представлять, что отношение к одному и тому же предмету у каждого субъекта различно [12, с. 72–73].

Если, например, сказать нескольким группе людей посмотреть на дерево в окно, то каждый для себя будет оценивать увиденное: кто-то будет разглядывать листья какого они цвета, кто-то будет пытаться определить возраст дерева, кто-то будет разглядывать ствол, кто-то ветви. Следует заметить, что чем больше влияние внешней мотивации, тем сильнее у человека формируется защитная реакция в виде возврата и ориентации на инстинктивное поведение. Фактически, мы сталкиваемся с тем, что чем больше информации и возможностей ее получить, тем больше наблюдается тенденция к деградации в плане мотивированности деятельности. Тенденция идет к тому, что люди стали меньше анализировать свои поступки, заниматься самомотивацией и слышать свои потребности (укороченная мотивация, либо ложная), т.е. происходит отчуждение социального Я от личностного: формируется внутренний конфликт, поскольку человек не успевает адаптироваться к тому, как меняется информационно-техническая среда и как обратная реакция, человек упрощается сам в восприятии действительности. Потребность в безопасности актуализируется в сравнении с личностными потребностями в том, что мы заменяем личностное общение общением в социальных сетях, упрощение языка общения в интернете без соблюдения правил и норм языка (без знаков препинания, без орфографических правил написания слов, без усложненных синтаксических конструкций – замена слов и целых предложений знаками и смайликами, замена своих мыслей чужими. Например, ученики на уроках на поставленные вопросы учителем на рассуждение ищут ответы в мобильной версии интернета, формы контроля знаний как учеников, так и студентов в виде тестов как оценка точечных знаний, способствуют развитию данного умения). Проявление агрессии и участвовавшие случаи суицида среди молодого поколения, особенно у подростков – это тоже проявление защитной реакции организма, напоминающее борьбу за выживание у первобытных людей. Человек сознательно себя изолирует от потока информации, но при этом пользуясь этой самой информацией, как ни парадоксально, используя при этом свою биологическую составляющую.

В. Франкл очень грамотно разводит понятия «внешняя» и «внутренняя мотивация», пытаясь показать, что сложно совместить действующего человека и управляемого. Согласно его мнению, два в одном быть не может, поэтому только от человека зависит, насколько он будет подвержен внешним или внутренним раздражителям и насколько процесс потребления будет для человека управляющим и направляющим механизмом. В связи с этим в своем исследовании он вступает в полемику с Э. Фроммом, З. Фрейдом и К.-Г. Юнгом, которые пытались в 1-м случае внешние факторы сделать абсолютными детерминантами, а во 2-м – внутренние. Справедливо исследователь отмечает важную роль мотивации в деятельности, поскольку именно мотивация позволяет обрести смысл поставленных целей, существующих желаний. При этом для Франкла процесс мотивации не ограничивается только вопросом самореализации. Для него очевидна разница между целью и средствами достижения цели [19, с. 93]. Данная методика в своих результатах доказывает то, что человек зачастую буквально закичивается на чем-то и определенная цель становится навязчивой идеей, но при этом результата так и не достигает. Исследователь отмечает, казалось бы, известный всем факт того, что животные, в отличие от людей, смеяться не могут, т.е. мы способны выражать свои эмоции осмысленно. Если собака, натворив что-то, прячется под кровать, как отмечает В. Франкл, это не в коей мере не связано с тем, что ее мучают угрызания совести, она находится в состоянии тревожного ожидания. Помимо этого данный пример говорит о том, что потребности детерминируют наши действия и мы не всегда можем контролировать физиологические сигналы обнаружения потребностей на уровне эмоций. Например, когда многие нервничают, то краснеют. Согласно позиции Франкла, это отменить нельзя, но возможно поменять установку: вместо внушения себе того, что краснеть не надо, необходимо сказать: «Вот я сейчас так покраснею и ожидаемое не произойдет» [19, с. 93–94]. Речь у В. Франкла идет о замещении установок на уровне мотивации: если человек мотивирует сам себя, используя ложные мотивации и определяя свои соображения как единственно верными, направленные на нанесение вреда ему же, что приводит к неврозам, то в этих случаях специалисты перенаправляют мотивацию, выбирая в качестве стимула

более объективные. Об этом в свое время говорил Ж.-П. Сартр, который полагал, что каждый человек склонен к самообману, т.е. неверно понимает, интерпретирует свои желания: «Сознание скрывает в своем бытии постоянный риск самообмана» [16, с. 62]. Иначе говоря, проблема соотношения внешнего и внутреннего восходит к проблеме соотношения первичных и вторичных потребностей, теоретическое обоснование которой связано с именем К. Левина, который различил потребности и квазипотребности, т.е. определил первичные и вторичные потребности, что является весьма актуальным для многих ученых и сегодня. К. Левин анализирует потребности человека с позиции теории поля, понимая под ним жизненное пространство индивида, состоящее из человека и психологической окружающей среды. Наряду с этим он пытался обосновать определяющую роль потребности в человеческой деятельности. Однако, согласно его теории, потребность скорее является формой, нежели источником деятельности субъекта, поскольку К. Левин определил потребность как проявление привычки (ассоциации), которые определялись двумя типами: «привычки потребностей» (как алкоголизм) и «привычки исполнения» (такие, как дергание рычага вверх, а не вниз), при этом отмечая, что без потребности или квазипотребности привычка исполнения не ведет к действию» [6, с. 25]. Между тем привычка – это то, что формируется в процессе постоянного действия. В то же время ученый сумел различить такие понятия, как «свойство» и «состояние», на что многие современные исследователи не всегда обращают должного внимания. Это в результате приводит к ошибке рассмотрения потребности как проявление сознания, так как в качестве потребности рассматривают уже осознанную потребность (чувство голода, жажды и др.). Нередко данная позиция связана с тем, что идеалисты, следуя своей теоретической установке о первичности сознания, пытаются выделить такие факты, которые являются подтверждением их воззрений, возводя желаемое в ранг объективности. Несмотря на то, что К. Левин рассматривает потребность в структуре привычки, тем не менее, разница в понятиях «причина» и «желание» очевидна, поскольку, согласно его позиции, тенденция приводить к действию – является основой для потребности, поэтому им были использованы определенные операциональные определения. В частности, речь шла о «высвобождении напряжения», которое было приведено в соответствие с «удовлетворением потребности (или «достижением цели»), а «появление напряжения» – с намерением или «потребностью в состоянии голода», в связи с чем стало возможным большое количество проверяемых выводов [6, с. 26].

В дальнейшем многие авторитетные ученые, исследуя проблему классификации потребностей, брали за основу разделение потребностей на первичные и вторичные. В частности, К. Мадсен, проанализировавший в свое время более двадцати теорий мотиваций, пришел к выводу о том, что концепцию «первичных» и «вторичных» побуждений разделяет большинство психологов [22, с. 53]. Например, одни ученые разделили потребности на потребности высшего и низшего порядка: А. Маслоу – дефицентные и бытийные, Э. Фромм – биологические и экзистенциальные, П.А. Сорокин – биологические и социально-психологические; Г. Мюррей, И. Браун, Г. Марфи; С.Б. Каверин, Е.А. Вишнякова, А.Г. Здравомыслов, П.В. Симонов, М.В. Тараткевич и мн. др. разделили потребности на первичные и вторичные, несмотря на то, что названия и количество в их классификациях несколько различаются.

В.М. Спиркин полагал, что главная и абсолютная потребность субъекта есть потребность жить вечно, которая, в свою очередь, распадается на целый ряд иерархически взаимоотношенных потребностей [17, с. 58]. Другие исследователи ставили перед собой цель показать этапы развития потребности в человеческой деятельности с учетом преломления сквозь призму субъективного восприятия ситуации. Г. Маркузе одним из первых стал развивать данную традицию с учетом особенностей современного общества и подразделил потребности на истинные и ложные. В.С. Магун назвал таковые конечными и промежуточными (потребности-средства), А.В. Соколов выделил абсолютные, вторичные и спонтанные потребности, где абсолютные потребности выступают как первоисточник целенаправленной деятельности. Д.Н. Узнадзе, в частности, подразделяет потребности по степени значимости в данный момент на потребности Я (отвлеченные потребности) и ситуативные потребности [18, с. 153].

Особого внимания в данном контексте заслуживают концепции А. Маслоу, классификация потребностей которого представляла собой разделение на дефицитные и бытийные, и Г. Маркузе, который подразделил потребности на истинные и ложные. А. Маслоу предпринял попытку показать иерархию потребностей, опираясь на представление об особенностях поведения человека. Подчеркивая в этой связи приоритет физиологических потребностей, исследователь утверждал, что пока они не будут удовлетворены, человек не будет думать о потребностях бытийных: «Возникновение высших потребностей непосредственно связано с удовлетворением потребностей низших уровней» [7, с. 124], т.е. «физиологические потребности... препотентны по отношению ко всем прочим потребностям» [7, с. 79, 81]. Однако при исследовании иерархии потребностей по А. Маслоу следует учитывать конкретные ситуации и влияние человеческой воли на варьирование как физиологических, так и бытийных потребностей, причем механизм формирования вторых не изучен до такой степени, чтобы утверждать подобное.

Г. Маркузе, в свою очередь, в большей степени интересуют именно внешние условия, влияющие на развитие потребностей, в связи с чем он предполагает, что первостепенное значение приобретают именно общественные отношения: «Возможность делать или не делать, наслаждаться или разрушать, иметь или отбросить становится или не становится потребностью в зависимости от того, является или не является она желательной и необходимой для господствующих общественных институтов и интересов» [8, с. 6].

При наличии значительного влияния общественных тенденций на развитие потребностей следует учитывать факт того, что формирование ложных потребностей актуализирует влияние индустриальной цивилизации на уровне форм и средств удовлетворения потребностей. По этой причине находит объяснение само понятие «ложные потребности», которое связано с субъективным восприятием того, что человеку необходимо на уровне желания, а не с тем, что это обнаруживает возрастание человеческих потребностей. В частности, В.М. Бехтерев обращает внимание на особый факт человеческого поведения, который стараются не замечать многие современные исследователи, состоящий в том, что средства удовлетворения потребности способны возбуждать те же реакции, как и сама потребность [2, с. 137]. При этом ученый приводит в пример соотношение: инстинкт самосохранения – деньги как средство удовлетворения данной потребности, то есть инстинкт самосохранения, способствующий добыче соответствующего пропитания и лучшей обстановке в жизни, соотносится с необходимостью в деньгах, а это приводит к тому, что деньги как средство удовлетворения потребности способны возбуждать те же реакции, которые вызывают и удовлетворение соответствующих потребностей. В этой связи обращает на себя внимание высказывание А.А. Потемкина, который говорит о том, что человек не ограничивается животным удовольствием, когда дело касается вкусовой пищи, поскольку бессознательно переносит в нее это удовольствие [14, с. 64]. В подобном соотношении потребности и средства ее удовлетворения, когда уже средство становится целью и обнаруживает себя источник разделения первичных и вторичных потребностей, определение потребности как нужды.

Таким образом, если первичные потребности в силу своей данности определяют возможность реагировать на предметы действительности, а не наоборот, то вторичные потребности, будь то, по определению Г. Маркузе, истинными или ложными, являются формами субъективного выражения потребности на уровне ее осознания. В связи с этим нельзя однозначно утверждать, как это делает Г. Маркузе или его сторонники, что формирование истинных и ложных потребностей напрямую зависит от воздействия процессов, происходящих в современном обществе: «Именно формирование ложных, репрессивных потребностей, привязывающих индивида к современному обществу, а не репрессия, не подавление потребностей большинства, как это было раньше, становятся основой саморегулирования современной индустриальной цивилизации» [8, с. 7].

Подобное поверхностное восприятие проблемы становится причиной установления связи рекламы с формированием новых потребностей. Данной точки зрения

придерживался, например, Э. Фромм, который определял потребности как объективное свойство субъекта и потому ставил ее в зависимость от внешних условий, связанных с развитием общественных отношений. Это обусловлено, по мнению Э. Фромма, социальным характером потребностей. В связи с этим он отмечал, что именно общество навязывает нам шаблоны поведения, используя рекламу как средство контроля в ходе выбора в качестве препотентной ту или иную необходимую для общества потребность, стимулирующую желания субъекта. Причем Э. Фромм обращает внимание на такого рода «простые стимулы», как секс, накопительство, садизм, нарциссизм и деструктивность. По его мнению, «этим-то и объясняется необходимость постоянной смены раздражителей: необходимо, чтобы воздействие стимулов не прекращалось. Автомобиль, который сегодня приводит нас в «восторг», через один-два года покажется скучным и неинтересным...» [21, с. 318].

Однако реклама является не условием формирования новых потребностей, будь то «нормальные» или «аномальные», она манипулирует существующими у человека желаниями. В данном контексте следует иметь в виду, что одна и та же потребность может иметь разные линии удовлетворения, будь то позитивные или негативные. Необходимость разделения потребностей на первичные и вторичные связано, в первую очередь, с попыткой показать иерархию потребностей с целью рассмотрения эволюции развития человека в процессе его социализации; согласно другим позициям разделение потребностей на первичные и вторичные осуществляются с целью изучить механизм развития потребностей, начиная с первичных потребностей к осуществлению конечного результата деятельности посредством удовлетворения промежуточных потребностей. Как было рассмотрено выше, последняя интерпретация проблемы не претендует на объективность исследования детерминации деятельности, поскольку большинство ученых, работающих в этом русле, рассматривают в качестве вторичных потребностей средства или формы удовлетворения первичных потребностей. Это противоречит субстанционально-деятельностному подходу в социально-философской теории, согласно которому потребность – это свойство субъекта нуждаться в необходимых условиях существования, поэтому формы и средства удовлетворения потребностей формируются на базе уже осознанных (актуализированных) потребностей и зависят от стадии мотивации. Соответственно, появление данных потребностей становится следствием развития первичной потребности, а именно, стадия ее осознания, где потребность обретает реальную форму, которую отчасти диктуют условия технического прогресса, способствующие появлению всевозможных форм удовлетворения потребностей. В частности, К.Х. Момджян обращает внимание на то, что под потребностью следует понимать свойство всякого организма (включая человека) испытывать необходимость в условиях жизни, без которых она или невозможна или некомфортна [9, с. 40]. Такие необходимые условия К.Х. Момджян называет предметами потребности, отличая их от самой потребности, «которая – в случае с человеком – представляет собой не объект, отличный от субъекта, а неотъемлемое свойство самого субъекта нуждаться в этом объекте» [9, с. 40]. Соответственно с данной концепцией, одна и та же потребность может удовлетворяться с помощью разных предметов или один и тот же предмет может удовлетворять разные потребности. Многие исследователи до сих пор называют алкоголь, наркотики, чтение книг, хождение на дискотеку – первичными потребностями. Например, социолог А.Н. Вардомацкий, занимаясь проблемой классификации ценностей, обратился к анализу классификации потребностей А. Маслоу и ее интерпретации Р. Инглехартом и в результате пришел к выводу о том, что средство достижения конкретной цели становится самоцелью или, как называет А.Н. Вардомацкий, самоценностью [4, с. 47]. С позиции социально-философской теории не совсем корректно называть подобные формы действия потребностями в прямом значении, поскольку это скорее является следствием каких-то потребностей, неверно осознанных или нереализованных. Другое дело, что поставленная цель не всегда достигает желаемого результата и когда организм становится болезненно зависим, например, от алкоголя, то на этом этапе вторичная потребность становится первичной по причине того, что организм запоминает ощущения связанные с ним, стремление к которым сознание

человека уже не способно посредством воли сделать менее значимым относительно других потребностей. В данном случае уместно говорить о таком термине, как «замещение», которое ввел еще З. Фрейд при изучении скрытых сексуальных инстинктов, которые реализуются в культурной деятельности: «...благодаря такому отклонению сексуальных сил влечений от сексуальных целей и от направления их на новые цели – процессу, заслуживающему название сублимирование, – освобождают могучие компоненты для всех видов культурной деятельности» [20, с. 46]. Однако проблема сублимации получает субъективную интерпретацию, так как сводится в итоге к сексуальным инстинктам, что, в свою очередь, заметил К. Обуховский: «...все теории, объясняющие общественное поведение человека теми или иными формами сублимации или конверсии сексуальной потребности, необоснованны: они не показывают ни всей сложности человеческой личности, ни основных законов общественного развития» [11, с. 113].

В дальнейшем К. Обуховский, вслед за К. Левиным, активно изучал проблему замещения, распространяя указанный термин и на другие потребности человека, которые, в случае неудовлетворения, подвержены замещению. При этом он отмечал, что напряжение, вызванное отсутствием тех или иных факторов, мы ощущаем как депрессию, хандру, дурное настроение и т.д., не отдавая себе отчета, что характеризуется как отсутствие определенного объекта потребности. Кроме того, польский исследователь указывал на тот факт, что бывают случаи, когда человек, «чувствуя напряжение, понимает, что ему чего-то не хватает, но ложно представляет себе объект потребности. Во всяком случае, эти примеры показывают отражение в сознании объекта потребности (это явление естественно назвать желанием) является чем-то иным сравнительно с изменением в организме» [11, с. 73]. Иначе говоря, проблема «замещения» потребности связана с сознательной или бессознательной заменой одной потребности на другую с целью избавления от чувства дискомфорта, вызванного неудовлетворенной потребностью. Это обусловлено тем, что человек не всегда способен осознавать правильно свои потребности и соответственно, как результат, неверно формулировать цели деятельности.

Например, С.Л. Рубинштейн описывал ситуацию, когда скрипач, не достигший признания на этом поприще, начинает заниматься фотографией, в результате чего получает определенное признание, за счет которого он компенсировал неудачи, связанные с любимым занятием [15, с. 183]. Подобное поведение несостоявшегося музыканта связано с общественной природой мотивации, т.е. огромное влияние на человека оказывает оценка со стороны окружающих и самооценка. Соответственно, если та форма, которую выбрал музыкант изначально не дала желаемого результата, то естественно он выбрал другое средство для удовлетворения насущной потребности; в связи с чем реализация потребности опосредуется интересом и в процессе мотивационной стадии обретает оценочную окраску.

Еще до него известный советский психолог А. Н. Леонтьев обозначил подобные явления как «потребности, не знающие своего предмета» [5, с. 190]. По всей видимости, это связано с тем, что представители человеческого рода редко задумываются над причинами своих желаний и стремлений, поэтому каждому свойственно испытывать состояния тоски, пустоты, когда, как кажется, действия не поддаются объяснению. В результате имеет место вероятность осуществления примитивных форм действия, аналогичных поведению адаптивных биологических систем, которые методом практических проб и ошибок достигают состояния удовлетворенности. Так, А. Маслоу отмечал: «Если мы тщательно проанализируем наши обычные повседневные желания, то увидим, что они... обычно являются желаниями средств, ведущих к цели, а не отражением самих целей» [7, с. 21]. Иначе говоря, человек в условиях современного общества в своих действиях ориентируется не только и не столько на потребности как таковые, сколько на средства и формы их удовлетворения.

Таким образом, рассуждая о позитивной мотивации в условиях модернизации общества, можно говорить о необходимости стремления к мотивационному балансу, который находит свое выражение в сбалансированности внешних и внутренних условий для развития гармоничной личности. При этом не имеется ввиду сбалансиро-

ванный, значит, спокойный без движения и динамики. Баланс – это умение соотносить биологическое и социальное как в себе, так и в обществе, принимая за основную единицу всякого действия именно сознание, поскольку без него актуальность как биологических потребностей, так и социальных определенностей будет лишена логики исполнения. Фактически мотивационный баланс состоит в целостной системе механизмов осознания и поисков возможностей как для реализации, так и ограничения потребностей человека: с одной стороны, внутреннее – личностное самовоспитание; с другой – внешнее – обучение самоанализу своих поступков с детства (рассуждение, культура мышления), поскольку ограничение средств и вариантов удовлетворения со стороны общества на уровне законодательства невозможно. Таким образом, это противоречит условиям развития рыночной экономики, в основе которого заложено конкурентное существование и акцент на прибыли, поэтому со стороны внешнего возможно только деликатная направленность на личностное ограничение и обоснование необходимости в этом, но ни в коем случае как императив.

Список литературы

1. Аринин А. Н. Модернизация России: постановка проблемы / А. Н. Аринин, А. А. Галкин // Модернизация России как условие ее успешного развития в XXI веке / отв. ред. А. Н. Аринин. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 319 с.
2. Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии / В. М. Бехтерев. – М. : Наука, 1994. – 400 с.
3. Богомолов А. С. Античная философия / А. С. Богомолов. – М. : Изд-во МГУ, 1985. – 368 с.
4. Вардомацкий А. Н. Сдвиг в ценностном измерении? / А. Н. Вардомацкий // Социс. – 1993. – № 4. – С. 46–55.
5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Смысл, 1999. – 365 с.
6. Левин К. Теория поля в социальных науках / К. Левин. – СПб. : Сенсор, 2000. – 368 с.
7. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб. : Евразия, 1999. – 478 с.
8. Маркузе Г. Одномерный человек : пер. с англ. / Г. Маркузе. – М. : REFL-book, 1994. – 368 с.
9. Момджян К. Х. К вопросу о типологии социальных групп / К. Х. Момджян // Вопросы философии. – 2012. – № 1. – С. 39–49.
10. Нюттен Ж. Мотивация, действия и перспектива будущего / Ж. Нюттен ; под ред. Д. А. Леонтьева. – М. : Смысл, 2004. – 608 с.
11. Обуховский К. Психология влечений человека / К. Обуховский. – М. : Прогресс, 1972. – 244 с.
12. Петровский А. В. Основы теоретической психологии / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. – М., 1998. – 528 с.
13. Платон. Диалоги. – М. : Мысль, 1986. – 607 с.
14. Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 1999. – 300 с.
15. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии : в 2 т. / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1989. – Т. 2. – 328 с.
16. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр ; пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М. : Республика, 2000. – 639 с.
17. Спиркин В. М. Теория потребностей / В. М. Спиркин. – Тверь : Гардарики, 1994. – 736 с.
18. Узнадзе Д. Н. Общая психология / пер. с груз. Е. Ш. Чомахидзе ; под ред. И. В. Имедадзе. – М. : Смысл ; СПб. : Питер, 2004. – 413 с.
19. Франкл В. Воля к смыслу / В. Франкл ; пер. с англ. – М. : Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 368 с.
20. Фрейд З. «Я» и «Оно» / З. Фрейд // Труды разных лет : в 2 т. – Тбилиси : Мерани, 1991. – Т. 2. – 252 с.
21. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М. : Республика, 1998. – 410 с.
22. Madsen K. Theories of Motivation / K. Madsen // Human Motivation. – Lincoln : University of Nebraska Press, 1965. – P. 47–98.

References

1. Arinin A. N. Modernizatsiya Rossii: postanovka problemy / A. N. Arinin, A. A. Galkin // Modernizatsiya Rossii kak uslovie ee uspehnogo razvitiya v XXI veke / otv. red. A. N. Arinin. – M. : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010. – 319 s.
2. Bekhterev V. M. Izbrannye raboty po sotsialnoy psikhologii / V. M. Bekhterev. – M. : Nauka, 1994. – 400 s.
3. Bogomolov A. S. Antichnaya filosofiya / A. S. Bogomolov. – M. : Izd-vo MGU, 1985. – 368 s.
4. Vardomatskiy A. N. Sdvig v tsennostnom izmerenii? / A. N. Vardomatskiy // Sotsis. – 1993. – № 4. – S. 46–55.
5. Leontev A. N. Deyatel'nost. Soznanie. Lichnost / A. N. Leontev. – M. : Smysl, 1999. – 365 s.
6. Levin K. Teoriya polya v sotsialnykh naukakh / K. Levin. – SPb. : Sensor, 2000. – 368 s.
7. Maslou A. Motivatsiya i lichnost / A. Maslou. – SPb. : Yevraziya, 1999. – 478 s.
8. Markuze G. Odnomernyy chelovek : per. s angl. / G. Markuze. – M. : REFL-book, 1994. – 368 s.
9. Momdzhyan K. Kh. K voprosu o tipologii sotsialnykh grupp / K. Kh. Momdzhyan // Voprosy filosofii. – 2012. – № 1. – S. 39–49.
10. Nyutten Zh. Motivatsiya, deystviya i perspektiva budushchego / Zh. Nyutten ; pod red. D. A. Leonteva. – M. : Smysl, 2004. – 608 s.
11. Obukhovskiy K. Psikhologiya vlecheniy cheloveka / K. Obukhovskiy. – M. : Progress, 1972. – 244 s.
12. Petrovskiy A. V. Osnovy teoreticheskoy psikhologii / A. V. Petrovskiy, M. G. Yaroshchevskiy. – M., 1998. – 528 s.
13. Platon. Dialogi. – M. : Mysl, 1986. – 607 s.
14. Potebnya A. A. Polnoe sobranie trudov: Mysl i yazyk / A. A. Potebnya. – M. : Labirint, 1999. – 300 s.
15. Rubinshteyn S. L. Osnovy obshchey psikhologii : v 2 t. / S. L. Rubinshteyn. – M. : Pedagogika, 1989. – T. 2. – 328 s.
16. Sartr Zh.-P. Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii / Zh.-P. Sartr ; per. s fr., predisl., primech. V. I. Kolyadko. – M. : Respublika, 2000. – 639 s.
17. Spirkin V. M. Teoriya potrebnostey / V. M. Spirkin. – Tver : Gardariki, 1994. – 736 s.
18. Uznadze D. N. Obshchaya psikhologiya / per. s gruz. Ye. Sh. Chomakhidze ; pod red. I. V. Imedadze. – M. : Smysl ; SPb. : Piter, 2004. – 413 s.
19. Frankl V. Volya k smyslu / V. Frankl ; per. s angl. – M. : Aprel-Press, Izd-vo EKS-MO-Press, 2000. – 368 s.
20. Freyd Z. «Ya» i «Ono» / Z. Freyd // Trudy raznykh let : v 2 t. – Tbilisi : Merani, 1991. – T. 2. – 252 s.
21. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti / E. Fromm. – M. : Respublika, 1998. – 410 s.
22. Madsen K. Theories of Motivation / K. Madsen // Human Motivation. – Lincoln : University of Nebraska Press, 1965. – P. 47–98.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ МОДЕРНИЗАЦИИ*

Руденко Максим Николаевич, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский государственный технический университет
414056, Россия, Астрахань, ул. Татищева, 16
E-mail: maxrud@list.ru

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 8255.